

И. В. Побережников
**ФРОНТИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ
 ИМПЕРИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80

УДК 94(470)“17/18”

ББК 63.3(2)5

В статье показана специфика российской фронтальной модернизации, которая осуществлялась в имперский период в условиях незавершенного освоения территорий. Выявлены региональные особенности модернизации на примере Поволжья, Урала, Западной Сибири, обусловленные размерами регионов, временем их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов их развития. Более благоприятные для модернизации условия способствовали превращению Урала уже в XVIII в. в одного из страновых лидеров протоиндустриальной модернизации, несмотря на то что процессы освоения еще были далеки до завершения. В Поволжье длительное время в экономическом развитии преобладала аграрная специализация, причем аграрный сектор медленно включался в модернизационный процесс. Развернувшиеся в регионе в эпоху Великих реформ процессы модернизации затронули прежде всего инфраструктуру; в промышленном отношении Поволжье до конца XIX в. оставалось слабо развитым регионом. Западная Сибирь присоединялась к Российскому государству почти одновременно с Уралом, однако менее благоприятные природно-климатические условия, территориальная удаленность от рынков Европы, Азии и Европейской России, меньшая заселенность тормозили освоение региона. Модернизация здесь носила более неравномерный характер, отраслевая структура характеризовалась архаизмом, сохранялась сырьевая специализация и обширные территории, население которых в основном все еще находилось во власти традиции.

Ключевые слова: *Россия, империя, модернизация, фронтир, освоение, регион, Поволжье, Урал, Западная Сибирь*

Концепт фронтир переживает новое рождение (возрождение) в современных исследованиях, раскрывающих проявления фронтальности в разные исторические эпохи (античность, средние века, новое и новейшее время),¹ в настоящем (институциональные и социокультурные особенности регионов центра и фронта в компаративном контексте, в том числе периферийных регионов современной России, США, Канады, Латинской Америки, Австралии, Южной Африки и т. д.),² в разных пространствен-

ных проекциях (североамериканский фронтир, латиноамериканский, африканский, российский, центральноазиатский и т. д.),³ в различных дисциплинарных форматах (социология, культурология, история, литературоведение и т. д.).⁴

¹ См.: Medieval Frontier Societies. Oxford, 1989; Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700. Basingstoke, 1999; Medieval Frontiers: Concepts and Practices. Aldershot, 2002; MacKay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500. London, 1977; Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages. Turnhout, 2005; Епимахов А. В. Теория фронта и археология бронзового века Урала // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 1. С. 207–219.

² См.: Немировская А. В., Фоа Р. Социокультурные особенности фронта России // Социологические исследова-

ния. 2013. № 4. С. 80–88; Они же. Социокультурные особенности регионов центра и фронта: компаративные исследования на базе WVS // Третья междунар. науч.-практ. конф. «Продолжая Грушина». М., 2013. С. 454–461; Foa R., Nemirovskaya A., Mostowowa E. Internal Empires I: Social Institutions of the Frontier // Препринты программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Series: Sociology, WP BRP 09/SOC/2012. 44 p. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/06/02/1252232240/09SOC2012.pdf> (дата обращения: 15.06.2018); Брайтман М., Гротти В. Э., Ултургашева О. Личность и «приграничная территория» в современных Амазонии и Сибири // Laboratorium. 2010. № 2. С. 437–438.

³ См.: The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia. New York, 1964; Hennessy C., Alistair M. The Frontier in Latin American History. London, 1978; The Frontier in History. North America and Southern Africa Compared. New Haven; London, 1981; The African Frontier: The reproduction of Traditional African Societies. Bloomington; Indianapolis, 1987.

⁴ См.: Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89; Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие / Романова А. П. [и др.]. Астрахань, 2014; Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016; Якушенкова Ол. С. Конструирование образа Чужого на гетеротопных пространствах фронта // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2013. № 3(78).

Побережников Игорь Васильевич — д.и.н., директор, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: pober1871@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00427А «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» (рук. И. В. Побережников)

Концепция фронта успешно используется современными отечественными и зарубежными исследователями при изучении колониционных процессов в истории Российской империи в целом (А. Капелер, А. Рибер), на юге Европейской России (О. В. Скобелкин, В. В. Канищев, Ю. А. Мизис, А. И. Папков), на Северном Кавказе (Т. Барретт, Д. И. Олейников, С. М. Маркедонов, А. Т. Урушадзе, А. П. Романова, Л. В. Баева), в Сибири и на Дальнем Востоке (А. В. Ремнев, Д. Я. Резун, М. В. Шиловский, А. Д. Агеев, А. С. Хромых, И. М. Супоницкая, Е. В. Алексеева, Л. И. Шерстова и др.), на казачьих территориях (Д. В. Сень, Б. Боук), в степной зоне (М. Ходарковски, Р. Я. Дашкевич) и др. Концепция фронтальной модернизации,⁵ предложенная автором для анализа развития в восточных регионах России имперского периода в условиях их незавершенного освоения, раздвигает исторические и содержательные границы применения фронтального подхода. Она нашла поддержку в трудах исследователей, которые солидарны в том, что пространственный фактор и тенденции постоянного расширения и освоения территории страны на протяжении нескольких столетий оказывали заметное влияние на ее историческую динамику.⁶

С. 16–21; Якушенков С. Н., Якушенкова Ол. С. Тело варвара: конструирование образа Чужого на китайском фронтире // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 234–241.

⁵ См.: Побережников И. В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтальной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ. Екатеринбург, 2010. С. 308–310; Он же. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 191–203; Он же. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274.

⁶ См.: Почекаев Р. Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // Право: журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190; Он же. Монаршая воля и собственное усмотрение губернаторов в отношениях Российской империи с Казахстаном в контексте фронтальной модернизации (конец XVIII — начало XIX вв.) // Вопр. правоведения. 2015. № 2 (30). С. 162–175; Он же. Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46, № 21–2. С. 531–542; Тимошенко А. И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтальной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148; Бобров Д. С. Фронтальная модернизация управленческого сегмента Алтайского региона в первой половине XVIII в. // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2013. С. 52–55; Алексеев В. В. Фронтальная модернизация в имперской России // Вестн. Юж.-урал. гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17, № 2. С. 6–13; Лысенко Ю. А., Гончаров Ю. М. Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтальной

Действительно, исторически на протяжении XVIII — начала XX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России: она проявлялась также в истории США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, стран Латинской Америки и др. По нашему мнению, модернизацию в условиях незавершенного освоения можно определить как фронтальную.⁷ Для России как страны фронтальной модернизации был характерен освоенческий синдром, который выражался в подвижности населения; в растянутости во времени колониционных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т. п.; в различной степени заселенности и освоенности территорий; в региональных контрастах и диспропорциях. Пространство страны делилось на центр (ядро) и периферию, которые различались по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам (при этом граница между ядром и периферией была подвижной: периферийные регионы по мере освоения теряли фронтальные черты и интегрировались в состав ядра).⁸ Доступные пограничные зоны, богатые ресурсами, могли служить клапаном для снижения остроты социальных проблем более плотно заселенных регионов. Продолжительное время сохранялась потребность в дополнительной рабочей силе для разработки избыточных ресурсов фронтальных зон, миграционная активность и, соответственно, проблема адаптации, возникавшая вследствие притока мигрантов-колонистов на периферийные территории.

модернизации // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. Т. 46, вып. 4. С. 1480–1487.

⁷ Как известно, концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Ф. Дж. Тёрнером для объяснения истории США XIX в., стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия. См.: Тёрнер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009; Walsh M. The American Frontier Revisited. London; Basingstoke, 1981; Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.

⁸ См.: Артемов Е. Т. Урал в структуре российской государственности: проблемы исторической реконструкции // Экономическая история. 2012. № 2 (17). С. 6–12; Побережников И. В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы // Урал. ист. вестн. 2012. № 2 (35). С. 118–126.

В условиях недостаточной интегрированности периферийных районов в страновое пространство повышенную роль играла транспортная инфраструктура. Милитаризация регионов освоения (размещение фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований, установление особых, военизированных, форм администрации и т. д.) обеспечивала условия для стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства». Фронтирная модернизация сопровождалась разновекторной диффузией традиционного и «модерного» типов, естественной в условиях освоения, притока мигрантов, межэтнических взаимодействий, а также модернизационного трансфера технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного (преимущественно западноевропейского) происхождения. При этом перспективой фронтирной модернизации можно считать постепенную конвергенцию центра и периферии по различным параметрам, расширение институционально-политических, хозяйственных, социокультурных контактов населения фронтирных зон с центром.

Фронтирность создавала предпосылки для еще более неравномерного протекания процессов модернизации. Показательно, что и в современной России сохраняются значительные дистанции между состоянием модернизированной макрорегионов — федеральных округов Российской Федерации. По мнению Н. И. Лапина, дистанции, имеющие глубокие социокультурные, цивилизационные основания, приобрели характер иерархии, которая устойчиво сохраняется и таит в себе серьезные социально-политические риски.⁹

Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию, что оправдывает регион-ориентированный подход при изучении модернизации. Академик В. В. Алексеев высказал мысль о том, что фронтирную модернизацию Азиатской России можно рассматривать как три последовательно сменявшие друг друга волны — уральскую, в ходе которой усилия государства были направлены на формирование комплекса металлургических производств; сибирскую, свя-

занную со строительством Транссибирской железной дороги; дальневосточную, характеризовавшуюся хозяйственным освоением восточных рубежей империи.¹⁰ Мы же сопоставим три восточных региона России, которые сохраняли на протяжении имперского периода освоенческий синдром и в разной степени подверглись воздействию модернизации — Поволжье, Урал и Западную Сибирь.

Поволжье. Территория Среднего и Нижнего Поволжья была включена в состав Российского государства в течение второй половины XVI — первой половины XVIII в. Однако социально-экономическое освоение края, формирование на его пространстве постоянного сельского и городского населения, складывание административной системы тормозились из-за постоянной внешней угрозы со стороны кочевников. Фронтир между оседлым и кочевым мирами был демаркирован цепочкой крепостей (Уфа, Самара, Саратов, Царицын и др.), а затем, с середины XVII в., и засечными линиями. Первоначально преобладала промысловая хозяйственная деятельность, только с рубежа XVII и XVIII вв. земледельческое производство превращается в существенный фактор хозяйственного развития края.¹¹

С середины 1730-х гг. началось интенсивное военное, государственно-административное и экономическое освоение левобережного Заволжья, где получило преимущественное развитие аграрное производство. Через столетие, к середине XIX в., регион, по существу, превращается в своеобразную «внутреннюю окраину» России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи. В то же время в Заволжье и Южном Приуралье длительное время сохранялся огромный массив свободных земель, чем объясняется постоянный приток мигрантов в данные регионы.¹²

Процессы модернизации, развернувшиеся в Поволжье в эпоху Великих реформ, затронули прежде всего инфраструктуру: его территория покрылась сетью железных дорог, что приблизило его к промышленным центрам; появились телеграф, телефон, речное пароходство,

¹⁰ См.: Алексеев В. В. Указ. соч.

¹¹ См.: Дубман Э. Л. Некоторые особенности освоения юго-востока Европейской России в конце XVI — начале XVIII в. // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2009. № 7 (73). С. 6–11.

¹² См.: Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Леонтьева О. Б. «Обретение родины». Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI — начало XX в.): к постановке проблемы // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2012. № 8/2 (99). С. 12, 13.

⁹ См.: Лапин Н. И. Дистанции между состояниями модернизированной макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 61–71.

финансовая и банковская системы. Железные дороги дали мощный импульс формированию пространства хлебного рынка Поволжья и интенсифицировали связи региона с другими частями империи, что дало возможность выйти на мировой рынок. Через постоянный обмен ресурсами, товаров, капиталов Поволжье включилось в многосторонний экономический механизм Российской империи, став его неотъемлемой составной частью. При этом Поволжье все же продолжало, по мнению специалистов, оставаться окраинным регионом, что было заметно по многим показателям, прежде всего по темпам развития образования и культуры. Аграрный сектор очень медленно включался в модернизационный процесс; развитие сельского хозяйства в регионе шло преимущественно экстенсивным путем, через распашку плодородных степных земель. И в промышленном отношении Поволжье до конца XIX в. относилось скорее к слаборазвитым регионам, несмотря на некоторое развитие во второй половине столетия новых отраслей (паровое мукомолье, металлообработка, производство строительных материалов) и на оживление в целом индустриального развития в 1890-е гг. Существовавшие здесь промышленные предприятия все-таки в основном специализировались на переработке сельскохозяйственной продукции. Сам факт, что Поволжье в начале XX в. кормило всю страну своим хлебом, уже говорит о том, что это все еще был аграрный регион. При этом под влиянием модернизации на рубеже веков, как доказывает А. А. Бессолицын, происходило медленное перераспределение властных полномочий между государством и общественными (прежде всего предпринимательскими) объединениями, формировались, хотя и медленно, элементы гражданского общества.¹³

Урал. Включение Урала в состав Российского государства совпадает с эпохой становления последнего на базе Московского великого княжества на протяжении XV–XVII вв. В истории Урала это период первичной колонизации, военно-промысловой — в XV — начале XVII в. и аграрной — на протяжении XVII столетия. Технологический способ производства той

эпохи — аграрный; социально-институциональная организация и менталитет имели традиционный характер. В тот период Урал по отношению к центру страны являлся периферией, зоной первичного освоения, что подчеркивалось существованием специального центрального органа регионального управления — Сибирского приказа.

Эпоха фронтальной модернизации в истории Урала (XVIII–XIX вв.) в технологическом плане в основном совпала с protoиндустриализацией (становление и развитие мануфактурной промышленности). Ее предпосылками выступали обеспеченность региона полезными ископаемыми (руды черных и цветных металлов) и другими ресурсами (реки, лес), необходимыми для развития горно-металлургического производства, а также определенный уровень освоенности региона, по крайней мере в его средней части (сеть постоянных сельских и городских населенных пунктов). На данном этапе в регионе усилиями русской администрации с опорой на местные демографические и природные ресурсы был создан комплекс металлургических заводов, началось экономическое освоение лесостепных территорий. Уже в первой четверти XVIII в. горнозаводский сегмент уральской промышленности стал ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи. При этом protoиндустриализация Урала приобрела характер промышленной колонизации, что было обусловлено отсутствием таких экономических предпосылок, как развитые рынки поземельной собственности, труда, капитала, сырья.¹⁴ В результате освоения уральской территории к концу XVIII в. в России был сформирован один из первых ярко выраженных промышленных регионов.

Урал в XVIII в. сохранял множество фронтальных черт (в частности, межэтнические конфликты, башкирские восстания, движение 1773–1775 гг., в значительной степени явившееся реакцией населения на «наступление» государства на окраины, на регуляризацию казачества, на заводское строительство на башкирских землях; юг региона только начал заселяться и осваиваться русскими), но постепенно черты особенности, фронтального «экстрима» стирались. Создание в конце XIX в. общеуральской железнодорожной сети содействовало

¹³ Там же. С. 13, 14; Бессолицын А. А. Поволжский регион на рубеже XIX–XX вв. (Основные тенденции и особенности экономического развития) // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Волгоград, 2003. Вып. 5. С. 190–202; Он же. Формирование и развитие предпринимательских организаций в Поволжье на рубеже XIX–XX веков: институциональный анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. н. Волгоград, 2005.

¹⁴ См.: Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 146, 147; Россия в XVII — начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 193, 194.

развитию рынка промышленного сырья и топлива, оптимизации внутрирегиональных экономических связей.¹⁵ Но некоторые проявления региональной специфики, в частности связанные с незавершенностью освоения, сохранялись до рубежа XIX и XX вв. (например, военные черты в системе местного управления, мощные традиционные анклавные в сельской местности, высокий удельный вес военнизированного казачьего сословия в составе населения Оренбургской губернии и др.).

Западная Сибирь. История Западной Сибири в XV — начале XX вв. являлась неотъемлемой составляющей грандиозного процесса русского заселения и освоения Сибири в целом. В конце XV—XVII в. происходило присоединение Западной Сибири и народов, ее населявших, к Российскому государству. Основными фигурами русского освоения выступали, наряду с администрацией и военно-служилым элементом, торговцы и промысловики. Параллельно с политическим присоединением, а то и обгоняя его, получили развитие процессы хозяйственного и социокультурного освоения. В XVII в. в регионе складывается мощный хлебопроизводящий район, обеспечивавший зерном другие части Сибири. Именно с аграрного освоения на территории Сибири начинали складываться устойчивые системы расселения, наметившие территориальную структуру ее будущих регионов.

К началу XVIII в. восходит постепенная рационализация административно-территориального устройства, созданного по европейским образцам, при длительной консервации локальных отличий, в значительной степени обусловленных сохранением традиционных структур низового управления. К середине столетия была создана система обороны русских уездов Западной Сибири, отделившая северную, освоенную русскими часть региона от юга, населенного кочевниками, что обеспечивало условия для хозяйственного освоения лесостепных территорий на юге, для смещения к югу транспортных путей и хозяйственных центров региона, для роста в XIX в. политического и экономического значения Омска, который получил импульс для своего развития, став центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства.¹⁶

Один из ключевых subprocessов модернизации — это индустриализация (и ее ранняя фаза — протоиндустриализация). Как раз в первой половине XVIII в. интенсивное развитие на юге Западной Сибири, на Алтае, получила промышленная колонизация, результатом которой стало создание предприятий мануфактурного типа (протоиндустрия). Согласно обоснованному мнению К. И. Зубкова, Алтай в XVIII в. из территории превращается в регион вследствие усложнения территориальной организации производственной функции, что потребовало и особой системы управления (территориально-отраслевой, как и на Урале).¹⁷

С 1830-х гг., как считают специалисты, капиталистический уклад стал определять тенденцию промышленного развития Сибири, заняв доминирующие позиции в золотопромышленности, на речном транспорте, в рыбной промышленности, извозе.¹⁸ В последние десятилетия XIX — первые XX в. регион переживал поляризацию экономического пространства, ускоренную строительством Транссибирской магистрали и быстрым притоком крестьян-переселенцев из европейской части России, а также формированием вдоль Транссиба срединной полосы аграрно-капиталистического развития. Новые транспортные магистрали стимулировали развитие промышленности благодаря облегчению импорта технологий и расширению рынков сбыта сельскохозяйственной продукции.

Специалисты отмечают при этом модифицированный характер промышленной трансформации в Сибири: если в центре России она последовательно охватывала легкую, а затем тяжелую промышленность, транспорт, связь, сельское хозяйство, то в сибирском варианте промышленный переворот начинался с транспорта (сначала с водного, а затем — с железнодорожного), что и создавало условия для дальнейшего промышленного роста в других отраслях.¹⁹ Более архаичной была отраслевая структура сибирской промышленности: преобладали заведения по обработке сельскохозяйственной продукции; более сложные производства (спичечное, стекольное, ткацкое, фарфоровое, бумажное, металлообрабатывающее) были представлены единичными заве-

¹⁵ См.: Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII—XX вв.: избр. тр. Екатеринбург, 2005. С. 205–214.

¹⁶ См.: Рассказов С. В. Юго-Западная Сибирь: эволюция пространственных структур общества (с XV в. до настоящего времени): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009. С. 12.

¹⁷ См.: Зубков К. И. Системология регионального развития России в XVI—XX вв.: опыт прочтения // Региональный фактор модернизации России XVIII—XX вв. Екатеринбург, 2013. С. 30.

¹⁸ См.: Сибирь в составе Российской империи. М., 2008. С. 250.

¹⁹ Там же. С. 252.

дениями.²⁰ (Такая структура была характерна для отсталых в промышленном отношении областей.)

На протяжении многовековой истории хозяйственного освоения Сибири сохранялся сырьевой характер развития экономики региона, причем усилившаяся на рубеже XIX и XX вв. интеграция только упрочивала его сырьевую специализацию: в XVII в. главной статьёй вывоза из Сибири была пушнина, в XVIII–XIX вв. — драгоценные металлы, а в конце XIX — начале XX в. — продукция сельского хозяйства, составлявшая в 1913 г. две трети стоимости продукции края.²¹ При этом необходимо иметь в виду, что, в целом, Западная Сибирь оставалась крайне неравномерно развитым регионом. Северо-Западная Сибирь представляла собой периферию, слабо заселенную и мало освоенную.²² По сути, задача индустриализации Сибири начинает обсуждаться с рубежа XIX и XX вв., а с началом Первой мировой войны по отношению к Сибири как к тыловому району стали разрабатываться проекты общегосударственного масштаба, нацеленные на превращение региона в базу для развития угледобывающей и металлургической отраслей.²³

Сопоставляя региональные варианты развития, можно сделать вывод о том, что характер и динамика модернизации существенно различались во фронтальных сообществах. Вариативность была обусловлена размерами регионов, временем их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов развития. По сути, все три региона присоединялись на протяжении XVI–XVII вв., испытывали

внешнюю угрозу со стороны кочевых народов и к середине XVIII в. были защищены оборонительными линиями. Военный элемент (особые формы управления; казачество) сохранял свое значение в жизни указанных регионов в разной степени (порой очень фрагментарно, применительно к границам) до конца XIX — начала XX в. Из рассмотренных регионов более благоприятные для модернизации условия имелись на Урале: это достаточная освоенность территории к XVIII в., богатство естественных ресурсов, возможность заниматься производительным сельским хозяйством, фрагментарные геополитические риски (преимущественно на юге региона, на башкирском и киргиз-кайсацком фронтире). В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров protoиндустриальной модернизации, несмотря на то что процессы освоения еще были далеки от завершения даже на рубеже XVIII и XIX вв. В Поволжье длительное время преобладала аграрная специализация в экономическом развитии, причем аграрный сектор медленно включался в модернизационный процесс. Развернувшиеся в регионе в эпоху Великих реформ процессы модернизации затронули прежде всего инфраструктуру; в промышленном отношении Поволжье до конца XIX в. оставалось слабо развитым регионом. Менее благоприятные природно-климатические условия Западной Сибири (по сравнению с Уралом), территориальная удаленность от рынков Европы, Азии и Европейской России, меньшая заселенность тормозили освоение региона. Модернизация здесь носила более неравномерный характер, отраслевая структура характеризовалась архаизмом, сохранялась сырьевая специализация и обширные территории (например, Северо-Западная Сибирь), население которых в основном все еще находилось во власти традиции.

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, director, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: pober1871@mail.ru

²⁰ Там же. С. 253.

²¹ Там же. С. 258.

²² См.: Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

²³ См.: Букин С. С., Тимошенко А. И. Стратегические идеи модернизации Сибири (конец XIX — первая треть XX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. № 281. С. 18.

FRONTIER MODERNIZATION IN THE EAST OF THE RUSSIAN EMPIRE: REGIONAL VARIATIONS

The article shows the specifics of the Russian frontier modernization during the Imperial period under the conditions of the ongoing colonization processes. The author described the regional specifics of modernization patterns in the Volga region, the Ural, and Western Siberia resulting from the size of the regions, the time of their accession, the composition of the population, their geo-political position and security situation, the available resources, the time of the beginning of modernization, the role of the state and the market forces as the development mechanisms. More favorable for modernization conditions facilitated the transformation of the Ural into one of the nation's leaders of proto-industrial modernization already in the 18th century despite the fact that the colonization processes were still active in the area. In the economic development of the Volga region the agrarian specialization was dominating for a long time, however the agrarian sector was very slow to catch up with the modernization processes. The modernization processes which unfolded during the Great Reforms period were primarily targeted at the infrastructure; in terms of the industrial development the Volga region remained quite backward until the end of the 19th century. Western Siberia was colonized by the Russian state almost at the same time as the Ural, however, the less favorable natural and climatic conditions, its territorial remoteness from the markets of Europe, Asia, and the European part of Russia, as well as the scarce population slowed down the economic development of the region. Modernization in that territory was quite uneven, the structure of industry more archaic, the region maintained its raw material specialization, and the population of a significant part of the territory still maintained the traditional way of life.

Keywords: *Russia, empire, modernization, frontier, development, region, Volga region, Urals, Western Siberia*

REFERENCES

- Alekseev V. V. [Frontier-type modernization of imperial Russia]. *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnyye nauki"* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"], 2017, vol. 17, no. 2, pp. 6–13. (in Russ.).
- Artemov E. T. [Ural in the structure of Russian statehood: problems of historical reconstruction]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2012, no. 2 (17), pp. 6–12. (in Russ.).
- Basalaeva I. P. [Criteria for frontier: statement of the problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, no. 2, pp. 46–49. (in Russ.).
- Bessolitsyn A. A. [Volga region at the turn of the 19th–20th centuries (main trends and features of economic development)]. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya* [Economic history of Russia: problems, searches, solutions]. Volgograd: VolGU Publ., 2003, vol. 5, pp. 190–202. (in Russ.).
- Bessolitsyn A. A. *Formirovaniye i razvitiye predprinimatel'skikh organizatsiy v Povolzh'ye na rubezhe XIX–XX vekov: institutsional'nyy analiz: avtoref. kand. diss.* [Formation and development of business organizations in the Volga region at the turn of the 19th–20th centuries: institutional analysis. Abst. Diss. Cand.]. Volgograd, 2005, 48 p. (in Russ.).
- Bobrov D. S. [Frontier modernization of the management segment of the Altai region in the first half of the 18th century]. *Regional'nyy faktor modernizatsii Rossii XVIII–XX vv.* [Regional factor of modernization of Russia in the 18th–20th centuries]. Ekaterinburg: OOO "UIPTS" Publ., 2013, pp. 52–55. (in Russ.).
- Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages. Turnhout: Brepols, 2005, 265 p. (in English).
- Brightman M., Grotti V. E., Ulturgasheva O. [Personhood and "frontier" in contemporary Amazonia and Siberia]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 2010, no. 2, pp. 437–438. (in Russ.).
- Bukin S. S., Timoshenko A. I. [Strategic ideas for the modernization of Siberia (late 19th – first third of 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2004, no. 281, pp. 17–20. (in Russ.).
- Dubman E. L. [The essential characteristics of colonization of the South-Eastern part of the European part of Russia in the end of the 16th – the beginning of the 18th centuries]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2009, no. 7 (73), pp. 6–11. (in Russ.).
- Epimakhov A. V. [The frontier theory and Bronze Age archaeology in the Urals]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica], 2018, vol. 6, no. 1, pp. 207–219. (in Russ.).

Foa R., Nemirovskaya A., Mostowowa E. [Internal Empires I: Social Institutions of the Frontier]. *Preprinty programmy fundamental'nykh issledovaniy Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta Vysshey shkoly ekonomiki* [Preprints of the basic research program of the National Research University Higher School of Economics. Series: Sociology]. 44 p. Available at: <http://www.hse.ru/data/2012/06/02/1252232240/09SO C2012.pdf> (accessed: 15.06.2018). (in English).

Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 1999, 318 p. (in English).

Gavrilo D. V. *Gornozavodskiy Ural XVII–XX vv.* [The mining Ural in the 17th–20th centuries]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2005, 616 p. (in Russ.).

Hennessy C. Alistair M. *The Frontier in Latin American History*. London: Edward Arnold, 1978, 202 p. (in English).

Kabytov P. S., Dubman E. L., Leontieva O. B. [“Acquisition of the Homeland”. To the problem of the place of the middle Volga and Trans-Volga region in the development of Russian civilization and statehood (from the middle of the 16th to the beginning of the 20th centuries)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2012, no. 8/2 (99), pp. 5–20. (in Russ.).

Lapin N. I. [Distances between states of modernization of macroregions of Russia and their civilizational contexts]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2015, no. 5, pp. 61–71. (in Russ.).

Lysenko Yu. A., Goncharov Yu. M. [The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in foreign policy of the Russian Empire: experience of the frontier modernization]. *Bylye Gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Russian Historical Journal Bylye Gody], 2017, vol. 46, iss. 4, pp. 1480–1487. (in Russ.).

MacKay A. *Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500*. London: Macmillan, 1977, 259 p. (in English).

Medieval Frontier Societies. Oxford: Oxford University Press, 1989, 389 p. (in English).

Medieval Frontiers: Concepts and Practices. Aldershot: Ashgate, 2002, 306 p. (in English).

Minenko N. A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [North-Western Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, 308 p. (in Russ.).

Nemirovskaya A. V., Foa R. [Sociocultural features of the center and frontier regions: comparative studies based on WVS]. *Tret'ya mezhdunarodnaya nauch.-prakt. konf. “Prodolzhataya Grushina”* [3rd International Scien. and Pract. Conf. “Continuing Grushin”]. Moscow: VTsIOM Publ., 2013, pp. 454–461. (in Russ.).

Nemirovskaya A. V., Foa R. [Sociocultural features of the frontier of Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies], 2013, no. 4, pp. 80–88. (in Russ.).

Opyt rossiyskikh modernizatsiy. XVIII–XX veka [The experience of the Russian modernizations in the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2000, 246 p. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Asian Russia: frontier, modernization]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2011, no. 4 (96), pp. 191–203. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in Reform]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2013, iss. 12, pp. 246–274. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [The Ural in the structure of the Russian statehood: problem formulation]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2012, no. 2 (35), pp. 118–126. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Ural in the 18th–19th centuries (example of frontier modernization)]. *Vos'myye Tatishchevskiy chteniye. Doklady i soobshcheniya* [The 8th Tatischev readings. Reports and messages]. Ekaterinburg: UMTs UPI Publ., 2010, pp. 308–310. (in Russ.).

Pochekaev R. Yu. [Evolution of taxation in Kazakhstan of the 19th century in the context of frontier modernization]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2013, no. 4, pp. 174–190. (in Russ.).

Pochekaev R. Yu. [Specific features of the Ili Region administrative development in 1871–1881: between traditions and frontier modernization]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye* [Society and the State in China], 2016, vol. 46, no. 21-2, pp. 531–542. (in Russ.).

Pochekaev R. Yu. [Will of Monarchs and own discretion of Governors in relations of Russian authorities in relations of the Russian Empire with Kazakhstan within the context of frontier modernization (end of the 18th – beginning of the 19th century)]. *Voprosy pravovedeniya* [Questions of Jurisprudence], 2015, no. 2 (30), pp. 162–175. (in Russ.).

Rasskazov S. V. *Yugo-Zapadnaya Sibir': evolyutsiya prostranstvennykh struktur obshchestva (s XV v. do nastoyashchego vremeni)*: avtoref. kand. diss. [South-Western Siberia: the evolution of the spatial structures of society (from the 15th century to the present): Abst. Diss. Cand.]. Moscow, 2009, 24 p. (in Russ.).

Romanov A. P., Yakushenkov S. N., Khlysheva E. V., Vasilyev D. V., Yakushenkova Ok. S., Yakushenkova Ol. S., Kusmidinova M. Kh., Topchiev M. S. *Nizhnevolzhskiy frontir: kul'turnaya pamyat' i kul'turnoye naslediyе* [Lower Volga frontier: cultural memory and cultural heritage]. Astrakhan: Izdatel' "Sorokin Roman Vasil'yevich" Publ., 2014, 236 p. (in Russ.).

Rossiya v XVII — nachale XX v.: regional'nyye aspekty modernizatsii [Russia in the 17th — early 20th century: regional aspects of modernization]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2006, 344 p. (in Russ.).

Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008, 370 p. (in Russ.).

The African Frontier: The reproduction of Traditional African Societies. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1987, 288 p. (in English).

The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia. New York: Harcourt, Brace & World, 1964, 336 p. (in English).

The Frontier in History. North America and Southern Africa Compared. New Haven; London: Yale University press, 1981, 360 p. (in English).

Timoshenko A. I. [Industrial construction in Siberia in the second half of the 20th century as a variant of frontier modernization]. *Modernizatsiya v usloviyakh osvoyeniya vostochnykh regionov Rossii v XVIII–XX vv.* [Modernization in conditions of the development of the eastern regions of Russia in the 18th–20th centuries]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2012, pp. 141–148. (in Russ.).

Vershinin E. V. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of North-Western Siberia at the end of the 16th–17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy Institut Publ., 2018, 504 p. (in Russ.).

Walsh M. The American Frontier Revisited. London; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1981, 88 p. (in English).

Yakushenkov S. N., Yakushenkova Ol. S. [Barbarian's body: designing of an image of the Stranger on Chinese the frontier]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2012, no. 4, pp. 234–241. (in Russ.).

Yakushenkova Ol. S. [Construction of the image of the strange on heterotopic spaces of the frontier]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2013, no. 3 (78), pp. 16–21. (in Russ.).

Zabiyako A. A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina* [The mentality of the Far Eastern frontier: the culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2016, 437 p. (in Russ.).

Zamyatina N. Yu. [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary Worl], 1998, no. 5, pp. 75–89. (in Russ.).

Zubkov K. I. [The systemology of the regional development of Russia in the 16th–20th centuries: the experience of reading]. *Regional'nyy faktor modernizatsii Rossii XVIII–XX vv.* [Regional factor of the modernization of Russia in the 18th–20th centuries]. Ekaterinburg: OOO "UIPTS" Publ., 2013, pp. 27–32. (in Russ.).

Всемирная Выставка 1900 г. въ Парижѣ.

КОМИТЕТЪ СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

КОЛОНИЗАЦІЯ СИБИРИ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИМЪ ВОПРОСОМЪ.

ИЗДАНИЕ

Канцеляріи Комитета Министровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1900.

«Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем».
Художник В. И. Суриков. 1895 г. Холст, масло.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

«Переселенцы. Ходоки». Художник С. В. Иванов, 1886 г. Холст, масло.
Башкирский государственный художественный музей им. М. В. Нестерова